

Илья Бояшов

БАНСУ

(быль)

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Есть многое на свете, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам.

У. Шекспир. Гамлет
(пер. М. П. Вронченко)

I

Жили-были в годы войны два летчика – штурман Алешка Демьянов и пилот Вася Чиваркин. И служили парни не где-нибудь, а в 1-й перегоночной авиадивизии: оба в составе одного экипажа доставляли из Америки в СССР добротные американские «бостоны». Двадцативосьмилетний Чиваркин имел за спиной службу на Крайнем Севере. Демьянов, будучи на три года помладше пилота, считался способным штурманом и успел повоевать на белофинской. Понятное дело, летуны рвались на фронт, но каждому раз за разом отказывали: для перемещения драгоценной техники требовались спецы, а с опытом и у того и у другого все было в порядке.

Небо над Юконом в 1943 году постоянно жужжало: трасса «Алсиб» была весьма

оживленной, и перевозили по этой воздушной трассе в Якутск (и далее) оборудование для радиостанций, медицинские инструменты для госпиталей, лекарства, оружие, сало, тушенку, яйца, иголки, бумагу, слюду, резину – короче, все, чем тогда делилась с затянувшей ремень на последнюю дырочку Россией богатая и вальяжная Америка. И делилась, надо заметить, не просто так, а за щедрое русское золото, которое отправлялось в страну демократии обратными рейсами. В СССР ценили и швейные машинки фирмы «Зингер», и шоколад, и обыкновенные гвозди, но ленд-лизские самолеты все-таки стояли в особом ряду. Принимали их отечественные летчики, в том числе Демьянов с Чиваркиным, «из американских рук» в Фэрбанксе, городе в самом центре суровой Аляски, где, как и в Сибири, особо не забалуешь. Этот Богом забытый городок был избран для подобных операций из-за своей удаленности от побережья. Делать «местом передачи» не менее захолустный, расположившийся возле океана Ном союзники не решились, так как к местным берегам подбирались ловкие и наглые самураи (часть Аляски японцы тогда уже оккупировали).

Двухмоторный «Бостон А-20» – птичка послушная, проблем с ним особых не воз-

никало. В управлении бомбардировщик по простоте мог дать фору более сложным отечественным «пешкам»; легко взлетал и легко садился; в случае чего спокойно шел на одном двигателе, виражи закладывал непринужденно, да такие, что закачаешься; моторы работали надежно, запускались с пол-оборота, ресурс «райтов» превышал ресурс отечественных двигателей вдвое, а то и втрое. Подобному качеству советские летчики радовались, но, с другой стороны, конечно же, за собственную промышленность огорчались и, сравнивая с американской, частенько ее поругивали. Сидеть в кабинах «А-20 С» (прозвище самолета – «Жучок») – одно удовольствие: обзор отличный, кресла мягкие, спать в таких, а не летать, да еще и с бронезащитой. А чего стоила система кабинного отопления! Конечно, были и недостатки, но касались они, в основном, использования «бостона» в бою и для мирных перегонов значения не имели.

Так дело и шло: прилетали Демьянов с Чиваркиным за очередным «Жучком» на американский аэродром; останавливались в местной казарме, где выделено было русским пилотам несколько двухкочных комнат; питались «от пуза» в летной столовой; лопали качественный шоколад, курили «Кэмел»

и ждали, когда дотошные отечественные инженеры облазят, обсмотрят и обнюхают очередной доставляемый к далекому фронту самолет. А затем надевали парашютные сумки, забирались в новенький «бостон» – и, как говорят американцы, «Гуд лак, Раша»!

Времени у них для отдыха в этом самом заграничном Фэрбанксе в случае плохой погоды или задержки с приемкой было предостаточно; матрасы в казарме упругие, без «пролежней», наволочки всегда свежие, душ есть, на столе обязательно графин с водой, на окнах противомоскитные сетки. Спалось здесь хорошо, елось за двоих. Однако, несмотря на слаженность как профессионалов, между пилотом и штурманом не все было гладко: сказывались и усталость от напряженной работы, и разница характеров. Чиваркин – природный молчун, его за глаза даже прозвали Вася-могила. Демьянов – любитель не только поговорить, но, что опаснее, и пофилософствовать, причем философствования его были далеко не безобидны.

Когда появился он в Фэрбанксе в первый раз, то, помня наставления людей из соответствующих органов, еще озирался и помалкивал, тем более чутких ушей оказалось и здесь немало: трудилась на аэродроме целая со-

ветская колония из военспецов-приемщиков и товарищей, которые особо себя не афишировали, но цепко держали аэродром и окрестности в поле зрения. Однако за первым последовал еще один перелет и еще – а когда счет пошел на двадцатый вояж и сотрудницы столовой – две маленькие коренастые эскимоски, похожие друг на друга иссиня-черными волосами и северной раскосостью глаз, и негритянка с грудями-дынями и русским именем Нина – стали приветствовать его, как своего, Демьянов осмелел и даже стал подмигивать кое-кому из попадающегося по дороге персонала, а вскоре и вовсе активно заговорил «на пальцах» с американскими техниками. Коротче – жизнь демократической Америки ему откровенно нравилась. Как правило, на все попытки штурмана завести разговор о политике Чиваркин отмалчивался; если отвечал, то односложно, взвешивая каждое свое слово, подобно увесистому камню, а Демьянова, словно нарочно, как только оказывались они в американской казарме, кто-то за язык принимался дергать: с каждым разом речи его становились все развязнее. Дошло до того, что Чиваркин однажды буркнул:

– Ты, трепло, случайно не из буржуев сам будешь?

Демьянов сразу покраснел и стал клясться, что он происхождением из самой что ни на есть псковской рабоче-крестьянской семьи, пострадавшей от кулаков-мироедов, и по этой причине был принят в местный аэроклуб в возрасте еще четырнадцать лет.

На какое-то время словоохотливый Алешка сдулся. А потом опять осмелел.

Выйдет, бывало, на аэродромную полосу, вдохнет полной грудью да и скажет (если, конечно, поблизости своих нет и рядом только один Вася):

– Хорош здесь воздух! Пьешь как воду...

Чиваркин спрашивает:

– Чем тебе, Лешка, в России воздух хуже?

А тот отвечает с обезоруживающей откровенностью:

– Не такой он, Вася! Ей-ей, не такой...

Чиваркин пробурчит про себя «ну-ну» и дальше молчит.

Правда, однажды товарища предупредил:

– Попадешься ты со своим языком...

Я – одно дело. В случае чего, я тебя не слышал и глупости твоей не понял. А ляпнешь что-нибудь у нас: прощай карьера советского штурмана.

А с того как с гуся вода.

Эти Алешкины выходки не только воздуха касались. Достанет сигаретную пачку, распакует, воткнет сигарету в уголок рта, чиркнет зажигалкой, на которой с одной стороны изображен белый орлан, а с другой полуголая девица, и как нарочно:

– Хорошие у американцев сигареты. Я после них наш табак курить не могу – дерет горло, как наждаком.

Здесь Чиваркину крыть нечем. Действительно, у американцев сигареты хорошие. А Демьянов как ни в чем не бывало затягивается с наслаждением и продолжает:

– Что буду делать без них – ума не приложу!

Вася скажет:

– Заткни свой рот! Тебе и прилагать нечего за неимением этого самого ума.

А Демьянов необидчивый:

– Брось ты дуться! Я же правду говорю. У нас коммунистическая партия требует говорить правду? Требует! Требует быть искренним? Требует... Вот я, к примеру, как комсомолец, и ты, к примеру, как коммунист...

Разговоры о Васиной принадлежности к партии его всегда выводили из себя – дело это казалось ему интимным и касалось только его самого: поэтому, стоило только болтуну-

штурману коснуться партийного вопроса, он разговор обрывал.

Что же касается штурмана – не было в словах Демьянова никакой издевки над товарищем. Совершенно не хотел он его провоцировать и подначивать – получалось все у Алешки искренне – и восхищение «Кэмелом», и безопасными бритвами Magazine Repeating Razor, и досада на кондовые отечественные папиросы: вот за такую-то простодушную откровенность Вася на него больше всего и злился.

Демьянов даже толстую негритянку хвалил. Их казарма и барак обслуживающего персонала столовой находились напротив друг друга. Однажды, когда из-за дождя летчики застряли в Фэрбанксе на целые сутки, вышедший ненадолго в душ Чиваркин, вернувшись, застал своего товарища за постыдным занятием. Прильнув к подоконнику Лешка жадно смотрел на соседние окна – а в одном из них, освещенная лампой, красовалась Нина: видимо, только сменилась с дежурства. Раздевалась она медленно. Алешка глаз от нее не мог отвести, да и Чиваркин застыл, словно вор, застигнутый на месте преступления. Но самое ужасное оказалось в том, что Нина знала: за ней наблюдают. В конце импровизированного стриптиза, перед тем как выключить

свет, повернулась к двум ошарашенным летунам теперь уже во всей нагой красе, распахнула в улыбке белозубую пасть, дескать, вижу, как вы мною любуетесь, и мило им помахала. От позора Чиваркин не знал, куда и деваться. Алешка же, лежа на койке с сцепленными за головой руками, глядел в потолок и в восхищении приговаривал:

– Смотри, какая красавица! Уж я эту молодку не упустил бы. Такая шоколадка!.. Эх, жить бы мне в Америке! Женился бы. Точно женился. Хорошая здесь жизнь – машины, домики. А главное – тихо. И воздух! Что ты скажешь на это, Вася?

А Васе и говорить нечего – зубами скрипит.

Так они и существовали друг с другом, ругались, но не сильно, пока в очередной их прилет какому-то местному механику, которому при довольно частых встречах Алешка всегда улыбался и кричал «Хау ду ю ду?», не взбрело в голову по доброте душевной подарить Демьянову новенькие, только что вышедшие с завода кожаные ботинки Service Shoes Reverse Upper из легкой, хорошо гнущейся и быстро сохнущей при намокании кожи – писк армейской моды. Судя по всему, умыкнутые со склада ботинки (а всяких складов в округе было бесчисленное множество)

не подошли похитителю, вот он и сделал в отношении русского широкий жест. Оказавшись в казарменной комнате, Демьянов даже взвыл от радости, когда взялся их ощупывать да рассматривать.

– Чего радуешься, дурень? – сказал тогда Чиваркин. – Они же тебе велики.

– Ничего, зашнурую – будут, как влитые. Я, Вася, давно мечтал о таких ботинках. Мне, Вася, наша неудобная обувь до чертиков надоела: тяжелая, зараза, как боты у водолаза. Я теперь в таких ботинках король: да они тыщу лет протянут – ясно, что фирма... Посмотри только, какое качество! А шнуровка? Шнуровка!

И взялся Демьянов этими ботинками тыкать Васе под нос да их нахваливать, а заодно – ну, куда же без этого! – и американскую обувную промышленность, которая снабжает штатовские армию и воздушный флот таким вот желтым кожаным чудом. Радовался он при этом, как ребенок, даже постоянно обновку нюхал – то левый поднесет, понюхает, то правый. Вася, понятное дело, ему ответил:

– Наши не хуже делают!

– Да ну?! – удивился Алешка. И ведь искренне так, подлец, удивился. – Кирзачи да башмаки, которые разваливаются при первой

же слякоти? А обмотки? Пока обматываешь ноги – страдаешься. Неслучайно – «страдания». Вот выдал мне Степаныч со склада новенькие хромовые сапоги. И где они? Полгода ведь не прошло. А ведь клялся – лучшее, что есть. Я Степанычу верю. Он всегда самое хорошее достает. И сейчас хожу вот в этом дерьме, – показал на брошенные в угол свои весьма скромного вида отечественные полуботинки.

Не такое уж это было дерьмо, и Вася завелся:

– Америка твоя живет как у Христа за пазухой. Жрет, пьет да богатеет. А нам все из огня да в полымя. Империалистическая, Гражданская... теперь вот эта. Ничего, война кончится, дойдет дело и до ботинок.

– А дойдет ли?

– Ты к чему? – насторожился Чиваркин. И даже прислушался – не стоит ли кто за дверью?

– Я, Вася, ко всему здесь давно присматриваюсь – к тому, как они самолеты делают и нам поставляют чуть ли не в упаковке; к их столовым, к холодильникам. Продовольствие только чего стоит! Консервированные бобы, тушенка. Все с толком. Они же в банках каждый кусочек сала проложат особой бумагой. Организация, Вася! А за такой вот

организацией следует жизнь: с размахом, где все для человеческого удобства – кондиционеры, сетки. Хочешь разницу? Перелети пролив. Вот у нас строят такие бараки, теплые, удобные, чтобы отсеки на двух, чтобы тебе душ, вот так, в двух метрах, встань только и кран поверни? У нас в баню надо чуть ли не строем бегать за полкилометра. И сеток нет от гнуса. Мелочи, Вася? Нет, Вася, не мелочи... Забыл, как в Уэлькале мы с тобой загибались от холода? На стены ведь лезли! Землянка, печка на полу, а пол земляной – в сорок-то градусов морозца, а?! Поэтому вряд ли у нас такое получится...

– И в чем же, Алешка, дело? – спросил, поднимаясь с койки, Чиваркин.

– А во власти дело, Вася, – нагло ответил коммунисту Чиваркину двадцатипятилетний комсомолец Демьянов, – в ней-то все и дело.

За дверью точно никто не стоял. Ветерок поддевал занавески. Заставив позвенеть оконное стекло, пронеслись над баракком два «бостона» курсом на Ном, а оттуда – за Берингов пролив, к унылой тундре, к сибирским перегонам, к далекому фронту, на котором жить этим «птицам» всего ничего – месяца два-три, и хорошо еще, если дотянут они после очередного вылета – пробитые, изранен-

ные – до полевых аэродромов, где их и разберут на запчасти.

– Значит, Сталин виноват? – прямо и тяжело спросил Чиваркин.

– Значит, Сталин, – откликнулся совершенно обнаглевший гад.

Чиваркин даже не испугался. Злость – вот что все перевесило. Никогда он еще так не злился на своего напарника. И ответил сокровенное: сказал о том, о чем сам неоднократно задумывался, все так же взвешивая каждое свое слово:

– Дурак ты! Дело не в Сталине, а в таких, как ты. С таким народом, как наш, кого ни поставь, все одно выйdet...

Однако Демьянов упрямо дудел в одну и ту же дудочку:

– Нет, Вася, не в народе дело. В Сталине. В нем, родимом...

Впервые со дня своего знакомства со штурманом Чиваркин забыл себя от ярости: сграбастал Демьянова за грудки. Однако штурман тоже был не лыком шит – привык к дракам. Скатились противники с демьяновской койки на пол и давай друг друга валтузить. Возились до тех пор, пока не раздались в самом конце длиннющего казарменного коридора шагами: один из приемщиков уже торопился за

ними. Пилот и штурман очнулись, вскочили и схватились приводить себя в порядок. На настойчивый стук в дверь Чиваркин, едва переведя дыхание, прохрипел:

– Подождите! Сейчас одеваемся.

О ссадине под левым глазом он знать не знал – не догадался поглядеть на себя в зеркало. Алешка, мерзавец, понятное дело, ничего ему об этом не сказал. И ведь, сволочь, натянул американские ботинки, а отечественные в угол задвинул...

Спецы, которые встречали их на полосе, весьма заинтересованно на обоих поглядывали. А процедура передачи шла своим ходом: новорожденный «Жучок» сверкал на солнце – настоящий красавец! Планшеты, парашютные сумки – все было готово; маршрут знаком; небо безоблачно; вот только настроение у обоих хуже некуда, да и видок – будьте любезны. Главный из приемки, озабоченный прежде всего состоянием техники и подписаниями актов, интеллигентно, под предлогом отозвал взъерошенного Чиваркина в сторону и шепотом сделал ему втык:

– Что это с вами, товарищ капитан? Вы откуда вылезли на свет Божий? И штурману своему укажите на безобразии. Стыдно перед союзниками.

А что Васе отвечать? Только одно:

– Виноват, исправлюсь!

Все еще сопя и стараясь не глядеть друг на друга, оказались они под самолетом. Осмотрели «брюхо». Обошли «бостон» вместе с нашими и американскими техниками – Чиваркин с одной стороны, Демьянов с другой. Потрогали крылья и хвост. А что дальше? А дальше вот что: бомбардировщик сдан, бомбардировщик принят, бумаги в порядке, инструктаж выслушан, замечания приняты – пора в путь-дорогу. Предупредили их, что надвигается грозовой фронт, только Чиваркин с Демьяновым были так расстроены, что предупреждение пропустили мимо ушей. И полезли: пилот – в кабину, штурман – в турель на место стрелка. Перед тем как Чиваркин запустил моторы, посидели немного молча.

Алешка одно спросил:

– Ну что, сдашь меня, Вася?

– Пошел ты! – ответил Чиваркин.

Больше они не разговаривали.

Заревели «райты», покатился «бостон» по взлетной полосе, поднялся и полетел на восток. Замелькали внизу бесчисленные коробки фэрбанкских складов, дома, вышки, узкая полоса дороги, а затем потянулись под

крыльями пространства Аляски: горы и распадки, в которых хозяевами себя чувствуют только волки с медведями, да озера с реками – убежища хищной форели.

Прошел час полета – внизу все одно и то же. Чиваркин молчит, штурман молчит – а впереди появилась едва заметная облачная полоса и принялась расти, обхватывая собой горизонт. В течение минут пятнадцати так все вокруг захватила, что «Жук» поплыл уже в плотном окружении дымки.

Волноваться по большому счету было нечего, несмотря на усиливающуюся непогоду, моторы гудят, кресла удобны, штурвал послушен – в таких условиях прежде они и кофейку могли хлебнуть, который в термосах традиционно сунули каждому с собой предусмотрительные приемщики, но на этот раз было обойти не до американского кофе.

Когда показалась совсем уж мрачная туча, Чиваркин заложил крутой вираж, чтобы ее обойти.

Вот, пожалуй, и все.

Вскоре вновь распогодилось, стали видны внизу распадки и горы, четкие, как на самых качественных фотоснимках. Чиваркин, обнаружив ссадину под глазом и до нее иногда дотрагиваясь, все это время раздумы-

вал – заговорить или не заговорить со своим непутевым штурманом. Конечно, долго злиться на этого осла Вася не мог, несмотря на свою коммунистическую закваску; сдавать его он тем более не собирался. Поразмышляя поначалу сгоряча Чиваркин о том, не подать ли ему рапорт начальству «о несовместимости характеров», но потом, как всякий русский человек, поерзал, повздыхал, размягчился и начал уже думать над тем, как наладить отношения. Правда, несколько обижало его то обстоятельство, что Демьянов навстречу ему вроде как бы и не собирается идти: забился в кабину стрелка, словно сурок в нору, молчит себе и молчит уже второй час.

Чиваркин решил начать первым. Позвал по переговорному:

– Лешка! Слышь меня?

Молчание.

– Ладно, кто старое помянет...

Молчание.

Чиваркин тогда про себя чертыхнулся и, занятый штурвалом, сказал:

– Молчишь? Ну, молчи, молчи...

И после благополучного перелета сел в Номе – городишке золотоискателей, советских и американских авиаспецов и временном приюте таких, как он, воздушных перегонщиков.

II

Дальше все завертелось, словно в самом чудовищном сне. Уже через пятнадцать минут после того, как «бостон» коснулся шасси бетона, застыл потрясенный пилот в помещении здешнего штаба перед командиром полка подполковником Мишиным и особистом майором Крушицким. И был Вася белым, как сама смерть.

Особист появился в Номе совсем недавно: странная птица, для чего сюда залетела, никто не знал. Держался Крушицкий чуть ли не на равных не только с комполка, но и самим командиром 1-й перегоночной дивизии. Вид майор имел болезненный: худой, губы тонкие, глаза лихорадочные, скулы так обтянуты кожей, что, кажется, она вот-вот на них и порвется. Кроме того, он часто кашлял. В полку пришли к выводу, что приписан Крушицкий к 1-й авиаперегоночной ввиду своей полной непригодности к фронту. Судя по всему, никакого отношения к авиации он прежде не имел, интересовался чисто земными вещами – летным бытом и экипировкой. Особо почему-то привлекали майора парашюты – несколько раз наблюдал он за тем, как укладываются парашютные сумки, задавая по ходу дела вопросы. Вел себя

до поры до времени корректно, не выпячивался, обращался к личному составу вежливо и по уставу. То, что особист после известия об исчезновении штурмана совершенно потерял лицо (у майора задрожали пальцы, кроме того, он то и дело расстегивал и застегивал верхнюю пуговицу гимнастерки), не ускользнуло от внимания хранившего внешнее спокойствие фронтовика Мишина: правда, комполка отнес этот явный психоз на счет опасений майора за возможный крах своей карьеры. Но все равно подполковнику, несмотря на весь трагизм ситуации, показалось: особист что-то уж чересчур о пропавшем волнуется – несвойственное поведение для прежде достаточно сдержанного пришельца...

Вася столкнулся с гневом Крушицкого гораздо раньше. Хлипкий варяг зачем-то окопачивался на полосе во время посадки «бостона» – словно ожидал прибытия. Когда выяснилось, что пропал штурман, Чиваркин там же, на полосе, едва не был особистом застрелен.

Майор и в кабинете подполковника не успокаивался:

– Сбежал?

Летчик как воды в рот набрал. В связи с последними высказываниями и последовавшей

вслед за тем дракой старший лейтенант Демьянов вполне мог дезертировать, надеясь на содействие американских властей, – на флоте уже бывали подобные случаи с членами команд, прибывших принимать новые корабли. Не обнаружив товарища в кабине стрелка (а это были самые страшные мгновения в Васьиной жизни), Чиваркин поначалу именно так и подумал. Но после первого шока, когда он обшарил глазами кабину, ему открылось одно существенное обстоятельство.

Начальство ждало разъяснений. В конце концов коммунист Чиваркин собрался, облизал губы и сказал особисту:

– Обходя грозовую тучу, я заложил вираж, во время которого штурман и вылетел. Колпак турели был распахнут.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА